

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 3
К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. ШОЛОХОВА

Научная статья

УДК 82.091

ББК 83.3(2)

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-3-10-19>

**ПРОБЛЕМА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ХАРАКТЕРА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РУССКОЙ
ИСТОРИИ В ПРОЗЕ М. ШОЛОХОВА И В. РАСПУТИНА:
РОМАН-ЭПОПЕЯ «ТИХИЙ ДОН»
И ПОВЕСТЬ «ЖИВИ И ПОМНИ»**

Наталья Валентиновна Тибушкина

Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия

Аннотация. Цель статьи – выявление социально-исторических, семантико-смысловых контекстов, по которым сближаются и разнятся оба художника. Сравнением принципов психологизма, характера изображения судьбы героя в повести «Живи и помни» и романе «Тихий Дон» обосновывается сходство двух писателей, выразившееся на идейно-эстетическом уровне. Родство творческих систем обусловлено концентрацией свойств национального характера и типом повествования, определяющих глубину проникновения в смысл событий, изоморфизм авторского слова и реальности. На основе анализа отличий Григория Мелехова и Андрея Гуськова в нравственных качествах, чувстве природы, авторском отношении к ним сделан вывод о преемственной и типологической связи творчества младшего современника с наследием крупнейшего русского писателя XX в.

Ключевые слова: Шолохов, Распутин, национальный характер, эстетика природы, жизненный путь

Для цитирования: Тибушкина Н. В. Проблема русского национального характера на разных этапах русской истории в прозе М. Шолохова и В. Распутина: роман-эпопея «Тихий Дон» и повесть «Живи и помни» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 3. С. 10–19. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-3-10-19>

Original article

**THE PROBLEM OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER
PASSING DIFFERENT MILESTONES OF RUSSIAN
HISTORY IN PROSE OF M. SHOLOKHOV AND
G. RASPUTIN: EPIC NOVEL “QUIET FLOWS THE DON”
AND “LIVE AND REMEMBER”**

Natalia V. Tibushkina

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russian Federation

Abstract. The article aims to identify social-historic and semantic contexts that draw together and differentiate both of the artists. The author explains similarities with both writers that lie on idea-aesthetic level. To show this the author of the article compares principles of psychologism and the ways fates of the main characters are depicted. Cognation of two art systems is codetermined by the national qualities concentration and the type of narration which help to identify the depth of diving into the actions, isomorphism of author's statement and reality. A conclusion of successive and typological connection of art of the younger modernist to the greatest Russian writer of 20th century. It is based on the analysis of differences of personal qualities, a sense of nature, author's attitude to them made by Grigoriy Melekhov and Andrey Guskov.

Key words: *Sholokhov, Rasputin, national character, aesthetic of nature, course of life*

For citation: Tibushkina, N. V. (2025). The problem of Russian national character passing different milestones of Russian history in prose of M. Sholokhov and G. Rasputin: epic novel "Quiet Flows the Don" and "Live and Remember". *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 3, pp. 10-19. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-3-10-19>

Введение

М. А. Шолохов (1905–1984) и В. Г. Распутин (1937–2015) занимают особое место в ряду классиков новейшей русской реалистической школы. Без творчества Шолохова, художественных открытий Распутина невозможно осмыслить новаторскую сущность литературного процесса XX в., развития в нём одного из основных направлений художественной антропологии – рефлексии о трагической судьбе народа, выборе человеком жизненного пути, нравственных потерях и обретениях в новых исторических обстоятельствах. Составляя идейно-эстетическое ядро, центральную линию аксиологии двух художников слова, имплицитный смысл открытых ими вариаций национального характера обретает в контексте современных событий непреходящее значение.

В данной статье сосредоточимся на анализе романа-эпопеи Шолохова «Тихий Дон» (1928–1940) и «повести-трагедии» [Дырдин, 2016, с. 190] Распутина «Живи и помни», впервые опубликованной в 10-м и 11-м номерах журнала «Наш современник» за 1974 г. Наша задача заключается в том, чтобы выявить специфику характеров главных героев романа и повести и определить истоки обращенности Шолохова и Распутина к проблеме национального характера, судьбе русского человека на разных этапах истории России.

Поэтика и национальные особенности художественного мира в прозе М. А. Шолохова рассмотрены весьма подробно в работах многих отечественных литературоведов [Костин, 2013; Семенова, 2005; Осипова, 2020; Удодов, 2021]. Творчество В. Г. Распутина в последнее десятилетие исследуется разными учеными [Большакова, 2012; Васильева, 2018; Галимова, 2012; Иванова, 2021; Каминский, 2013; Корольков, 2018; Плеханова, 2012].

Целая эпоха отделяет повесть Распутина от завершения Шолоховым романа-эпопеи, где трагедия войны изображается с потрясающей художественной силой. Духовно-эстетическая позиция автора «Живи и помни» обусловлена воссозданием обстоятельств разрыва той кровной связи, что скрепляет человека с родиной, с непреложными законами народной нравственности, основами национального самосознания.

Исследование и результаты

Одной из главных тем, к которым обращаются Шолохов и Распутин, является проблема войны, судьбы русского народа и личной судьбы человека. Этот вопрос затрагивал в свое время почти каждый русский писатель, по своему раскрывая его, делая акценты на различных аспектах. «Пространство

войны – онтологический уровень первостепенной важности в многослойном художественном пространстве повести» [Новикова, 2009, с. 209]. Произведение содержит символический план, который восходит к мифологическим универсалиям народного сознания и предстает как «пространство судьбы». Эти наблюдения легли в основу наших оценок эстетической родственности, близости шолоховско-распутинских параллелей в интуициях национального сознания, чувстве связи с родной землей, внутренней перекличке природных картин.

Шолохов и Распутин в своих произведениях поднимают субстанциональную проблему влияния войны на жизнь человека, его психику, показывают, как раскрывается русский национальный характер в тяжелых жизненных условиях, активно привлекая фольклорную образность и символику, мифопоэтические образы. Подчеркнем сходные обстоятельства и различия героев в указанных произведениях Шолохова и Распутина. Шолохов в романе «Тихий Дон» изображает духовно-нравственный рост Григория Мелехова, его взросление (первый уход из дома, сборы и пребывание на службе, война). Эволюция героя происходит поэтапно – от молодого, улыбчивого, беззаботного казака до умудренного и измотанного войной и жизненными испытаниями постаревшего мужчины. Он способен брать на себя ответственность за свои поступки, сильно и искренне испытывать душевную тревогу, переживать (из-за зарубленного косой утенка, первого убитого австрийца на войне и смерти любимой женщины).

Григорию свойственно родство с окружающим миром, чувство причастности к природному бытию, которое он не теряет даже на войне. В самые тяжелые моменты фронтовой жизни природа помогает ему пройти проверку на человечность. Любой цветок, зеленая трава, запах земли наполняют его силой жить дальше и бороться с выпавшими на его долю испытаниями. Григорий – семейный человек, привязанный душой к родной земле, воспитанный в чувстве свободы, любви к миру и семье.

Многие исследователи называют метания Мелехова типичным для эпохи революций и войн социальным явлением и связывают с духовно-нравственными противоречиями Гражданской войны. Изначально Мелехов поставлен в ситуацию выбора. Судьбой в спутницы жизни ему предназначена Аксинья. Эта табуированная устоями казачьей морали любовь нарушает ординарный ход жизни. Отец женит сына на Наталье Коршуновой, и с тех пор герой вынужден выбирать между её самоотверженным чувством и страстной любовью Аксиньи. Во время Гражданской, Первой мировой войны, Вешенского восстания Григорий вынужден определиться и в социально-политическом плане. *«Мысль доходила до отдыха дома и дальше напарывалась на тупик»* [Шолохов, 2018, т. 1, с. 581], как бы ни пытался Григорий заглянуть в будущее. Он знал лишь одно: ему хотелось *«мира и тишины»* – *«убирать скотину, метать сено, дышать увядшим запахом донника»* [Шолохов, 2018, т. 1, с. 582]. По словам А. Б. Удодова, «логика шолоховской оценки: человек честен в силу того, что он любит родину» [Удодов, 2021, с. 71].

Ученые, объясняя характер Гуськова в повести Распутина, часто не сходятся во мнениях. А. М. Мартазанов размышляет о несправедливости его судьбы [Мартазанов, 2006, с. 35]. Герой изначально отчужден от мира деревни, ее социального единства и народной морали. Андрей Гуськов – персонаж до такой степени противоречивый, что критики и сегодня расходятся в оценках нравственно-психологического содержания этого характера. Н. В. Ковтун

утверждает, что замысел характера изначально сложнее: «Герой – классический тип срединного человека, попавшего в предельную ситуацию войны, нравственного выбора. Настороженность автора вызывает, однако, исключительный прагматизм Андрея, неразвитость его эмоционального мира, что подчеркнуто и через способность к счетоводству» [Ковтун, 2015, с. 233]. Он обычный крестьянин, не рожденный для войны. *«Если б не война, если б не она, проклятая, – горько сетует Андрей Гуськов, – так бы и жил я, так бы и работал...»* [Распутин, 1985, с. 292]. Казалось бы, это первая переключка с характером Григория Мелехова в «Тихом Доне».

Война в «Живи и помни» – не только фон происходящего: сам сюжет повести обусловлен катастрофической реальностью. *«... Тыщи людей не могут найти. Кто в воздухе, кто в земле, кто мается по белу свету, кто прячется, кто не помнит себя – все перемешалось всмятку, концов не сыскать»* [Распутин, 1985, с. 222] – привычный мир перестает существовать, утрачивает привычный облик, а человек может либо повзрослеть, принять новые обстоятельства и бороться за жизнь ради своего народа и своей страны, либо потерять себя.

Танковая атака, контузия головы оборачиваются для героя личной катастрофой. Чувство общей с народом судьбы, ощущение собственной причастности к будущей победе сменяются безумным страхом смерти, разрушением личности. Герой оказывается сначала на распутье (вокзал в Иркутске – символ перекрестка), затем его волей словно руководят *«маленький веселый танкист в шлеме и на костылях, с подогнутой, толсто обмотанной правой ногой»* [Распутин, 1985, с. 201], *«глазастая пронырливая бабенка, которая согласилась взять его на ночевку»*, а затем определила *«к немолодой уже, но чистенькой, гладенькой немой женщине по имени Таня»*, у которой *«на краю предметья стояла своя избенка»* [Распутин, 1985, с. 202]. Постепенно Гуськов перемещается от центра к периферии, на окраину и в лес, им руководят «помощники» беса в облике хитрых, пронырливых людей, воплощающих темное начало [Ковтун, 2015].

В родную деревню Гуськов приходит уже «оборотнем». Даже Настена не признает в нем прежнего Андрея, отмечая в нем буквальное исчезновение человеческих черт. Гуськов признается: *«Будто не я живу, а кто-то чужой в мою шкуру влез и мной помыкает»* [Распутин, 1985, с. 222]. Он относится к типу «срединного» человека, который под влиянием жизненных обстоятельств ломается, перестает быть «героем», становится «антигероем», встает на путь изгоя, теряющего человеческие черты.

Распутин в своей повести показал путь морального разложения человека под влиянием неровного, эгоистичного характера (попрекал Настену, *«научился хвататься за кулаки»* [Распутин, 1985, с. 189]). Гуськов воспринимал уход на войну обиженно (*«он почему-то готов был уже не войну, а деревню обвинить в том, что вынужден ее покидать»* [Распутин, 1985, с. 196]). Изначальное восприятие событий у героя не было связано с духовным ростом, наоборот, Распутин в сцене ухода Андрея на войну показывает отсутствие взросления, заикливание героя исключительно на своих эмоциях и жалости к себе, так как не было у него культурно-ценностных ориентиров, в отличие от шолоховского героя.

Таким образом, если колебания Григория Мелехова вызваны столкновением с патриархальными казачьими обычаями, силой традиций, а также социальными конфликтами, то герой Распутина выбирает ложный путь, идет – что продиктовано натурой Гуськова – преступной дорогой, попадает в ситуа-

цию, из которой нет выхода (только в тюрьму или могилу). Шолохов и Распутин показали разные личностные типы, из которых одни поддаются своим слабостям, вступают на путь измены народным идеалам, а другие выбирают жизненную дорогу (дорогу правды и человеколюбия) с самого начала, стремятся следовать этим принципам до конца, даже если это ставит под вопрос будущее.

На раскрытие сути национального характера большое влияние оказывает связь человека с природой, её ритмами, абсолютными законами. Мысль о единстве человека и природы традиционна для русской литературы, отношение к природе как составляющей единого целого мира, органично связанной с человеком, – первооснова народного мировосприятия. «Природа в концепции Распутина, именно в силу глобальности осмысления современных проблем, приобретает мифологическое значение» [Гришенкова, 2012, с. 196]. Для мифологического сознания характерно неразделение человека и природы, одушевленность и персонификация.

Шолохов и Распутин опираются в своем творчестве на концепцию национального мировосприятия, непосредственно связанную с мифологическими и фольклорными мотивами и образами. Русский человек привязан к месту рождения, его природному рельефу, краскам, запахам, звучаниям. Поэтому, например, так важен в картине мира Шолохова и Распутина эстетический смысл пространственных образов-символов. С. А. Лишаев, изучающий феномен простора в русской культуре, убежден, что простор является индикатором открытого пространства, заключающим в себе сверхчувственный духовный опыт. «Открытые пространства – составная часть ментального универсума русского человека» [Лишаев, 2015, с. 57]. Семантика «простора» показывает, что в русской культуре и русском языке опыт взаимодействия с открытым пространством маркирован в ценностном отношении, причем позитивно. Слово «простор» редко используется в научной литературе, но когда мы производим это слово, то видим его, перед нами чувственно-объективная форма пространства в виде бескрайней степи, лесного массива или неба.

Простор влечет к себе человека. Это пространство, которое можно любить. Семантика слова «простор», в какой мере оно вошло в поэтику Шолохова и Распутина, предоставила возможность уяснить смысл данной образной константы, вводящей нас в мир авторских эстетических идей. Его функция объясняется подобием и разностью в обрисовке связей человека и природы в рассматриваемых произведениях. У Распутина «пространство простора» (С. А. Лишаев) представлено селом Атамановка на берегу Ангары, где живут и страдают герои во время Великой Отечественной войны. Атамановка в глубоком тылу, но легче от этого жителям не становится. Только и радости в том, что далеко они от фронта, ужаса смертельной брани. Для героя «Живи и помни» родное село Атамановка – единственное пристанище, куда он приходит, «сбежав с войны». Отбывая на пароходе на фронт, Андрей с безумной тоской прощался с родиной. *«В разгаре было лето, все дни ходило по небу яркое солнце, катилась Ангара, от которой в воздухе стоял звон, и плыли, плыли мимо знакомые берега, деревни и острова, плыли и уплывали, скрываясь позади. При одной мысли, что он, быть может, видит все это в последний раз, у Гуськова схватывало сердце. Лучше было бы спуститься вниз и присоединиться к своим – не ему одному было тошно, или завалиться спать, подложив мешок под голову, забыться, потеряться, пока не поднимут по команде, но он*

не уходил и, донимая душу тоскливой пыткой, терзая и жалея себя, продолжал смотреть, думать и мучиться [Распутин, 1985, с. 196–197].

В аспекте раскрытия внутреннего мира героев война служит сигналом для проявления моральных и нравственных доминант личности. Сходство в изображении войны состоит в том, что и у Шолохова, и у Распутина она подчеркивает символическое деление пространства и времени. В повести «Живи и помни» главный локус произведения – сибирское село Атамановка на берегу Ангары. В романе-эпопее «Тихий Дон» основные действия происходят в хуторе Татарском станицы Вешенской на берегу реки Дон. Простор и в том, и в другом тексте разделяется на «свой» и «чужой». Война делит мир на чужую сторону врага и свою сторону родины, дома, семьи.

У Распутина это разграничение происходит за рамками сюжета. Повесть начинается событиями *«зимой на сорок пятый, последний военный год»* [Распутин, 1985, с. 182]. Многие факты читатель узнает либо в ретроспективе, либо из диалогов героев. У Шолохова война застаёт героев неожиданно – посреди обыденных календарных сельскохозяйственных работ. *«Хутор скочевал в степь. Косили жито. Выматывали в косилках лошадей, задыхаясь в духоте, в пряной пыли, в хрипе, в жаре...»* [Шолохов, 2018, т. 1, с. 226].

Второй раз символическое пространственное деление реализуется на образе реки, которая включает дополнительную семантику. Выстраивая этот образ с помощью метафорических рядов, Распутин воспринимает реку как живую, движущую силу, олицетворяющую быстрый ход времени, скоротечность жизни. Ее движение стремительно, быстро, что подчеркивается глаголами активного физического действия: «течет», «скользят», «плыли».

Известно, что река в народном сознании «осмысливается как граница, разделяющая пространство на “свое” и “чужое”. Местность за рекой изображалась в фольклорных текстах как мифическая страна или потусторонний мир» [Виноградова, 2009, с. 417]. Подобное традиционное мифологическое осмысление реки – как границы между мирами – встречается у Распутина не только в повести «Живи и помни», но и в других произведениях.

В «Живи и помни» на первый план выходит мотив невозможности для Настены соединить два берега – две правды. Героиня находится на правом берегу Ангары, оборотень Андрей обитает на левом. Настена вынуждена метаться между двумя берегами – между правильной жизнью, как у большинства жителей Атамановки и миллиона других поселков и городов, и неправильной, перевернутой жизнью, полной обмана, одиночества и эгоизма. А третьей правды не существует, как не бывает и третьего берега у Ангары.

В романе-эпопее Шолохова значимость образа реки предопределена эпиграфами: союз реки и матушки-земли как залог духовного потенциала героев; река как эпический вестник войны; течение Дона как символ народной жизни (*«Выметываясь из русла, разбивается жизнь на множество рукавов. Трудно предопределить, по какому устремит она свой вероломный и лукавый ход. Там, где нынче мельчает жизнь, как речка на перекате ... завтра идет она полноводная, богатая»* [Шолохов, 2018, т. 1, с. 318]). Образ реки включен в течение космического времени и круговорота жизни. Автор показывает реку в разное время суток и время года. Ночью – это Дон, *«отражающий никем не езженный лунный шлях»* [Шолохов, 2018, т. 1, с. 26], зимой окован льдом, *«отливает не присущей ему голубизной»* [Шолохов, 2018, т. 2, с. 34], мерцает белым, мертвым светом (*«белый, мертвый простор Дона»* [Шолохов, 2018, т. 2, с. 96]). Весной Дон необычайно полноводен, символизирует полноту

жизни. Если у Распутина река как прообраз мира разграничивает простор на «мир» и «иномирие», то у Шолохова символическое деление сложнее.

Свой мир для героев романа-эпопеи – родной дом, хутор Татарский, степь и работа на земле. Посторонний мир – это город, фронт, все военное пространство. Но в определенный момент война охватывает свой мир и раскалывает людей на близких и посторонних, разрушая целые семьи. И всегда, где бы герой Шолохова ни был (на чужих землях, в дороге), в мыслях присутствует родной дом, река, хутор. Автор акцентирует внимание на том, что в сознании Мелехова Дон и степь представлены как эквиваленты простора, они противопоставляются чужому пространству. Так, Григорий, живя в Ягодном, признается брату, что тоскует по родному хутору и Дону: *«Скучаю по хутору, Петро. По Дону соскучился, тут воды текучей не увидишь»* [Шолохов, 2018, т. 1, с. 191].

Примечательно, что встречи героев Шолохова у Дона носят судьбоносный характер. Одна из первых встреч Аксиньи и Григория происходит именно у реки. После долгих лет разлуки у Дона примираются герои. Снова Григорий приходит поить коня, видит Аксинью, которая замечает: *«А ить, никак, наша любовь вот тут, возле этой пристани и зачиналась, Григорий. Помнишь? Казаков в этот день в лагеря провожали»* [Шолохов, 2018, т. 2, с. 276]. И в народном мировоззрении вода выступала как источник жизни и очищения. Наиболее весома в этом смысле финальная сцена возвращения Григория домой. Дон принимает в свои воды оружие героя, а также его трагические ошибки. Григорий расстается с прошлым и возвращается к своим истокам – к родной земле и сыну.

Древний символ воды как очищения возрождается не только в шолоховской эпопее, но и в повести Распутина. Ангара зовет Настену в свои воды: *«Поперек Ангары проплыла широкая тень: двигалась ночь. В уши набирался плеск – чистый, ласковый и подталкивающий, нем звенели десятки, сотни, тысячи колокольчиков... И сзывали те колокольчики кого-то на праздник. Казалось Настене, что ее морит сон. Опершись коленями в борт, она наклоняла его все ниже и ниже, пристально, всем зрением, которое было отпущено ей на многие годы вперед, вглядываясь в глубь, и увидела: у самого дна вспыхнула спичка»* [Распутин, 1985, с. 370]. В решении Настены уйти из жизни кроется желание направить Андрея по истинному пути покаяния, спасти себя и недожденного ребенка от людского суда.

Таким образом, аксиология природных топосов у Шолохова и Распутина имеет устойчивые ориентиры – очаг, дом, родная сторона, традиционные пространственные образы природы – поле, лес, степь (у Шолохова), реки (Ангара и Дон). У каждого из героев свой «простор»: для Григория степной простор и небо над ним становятся воплощением безмятежности, радости и свободы. Гуськов боится открытых мест, все чаще забывая о небесной выси. Он ищет укромные уголки леса, связывая свою судьбу с потаенной жизнью в таежном схроне. Горизонт его существования сужается до последней точки: замкнутого пространства, перехода в состояние загнанного зверя.

Каждая из локально ориентированных литератур (в данном случае – донская и сибирская) имеет свой набор устойчивых пространственных образов, символику и специфику мифологии. Поэтика Шолохова и Распутина оригинальна: с одной стороны, продолжает традиции русского реализма, с другой – выполнена на специфическом этнотопологическом материале. Названием «Тихий Дон» Шолохов обозначает место и содержание событий.

Время указано метафизически (Дон лишь с виду тихий). «Дон именно завершает и успокаивает все злоключения героев <...> он – Тихий (вот одна из очевидных внутренних скреп Шолохова с мировой трагедией)» [Костин, 2013, с. 169]. У Распутина заглавие «Живи и помни» связано с человеческой жизнью в трагических обстоятельствах. Автор призывает людей жить дальше, но всю жизнь помнить и передавать следующим поколениям память о трагедии войны и хрупкости человеческой души, о том, как важно сохранять на земле мир, а в себе – все человеческое.

Заключение

Таким образом, оба художника являются выразителями нравственных исканий русского народа в период социальных потрясений, изменяющих его историческую судьбу. Автор «Тихого Дона» описывает Россию в начале XX в. (годы революций, Первой мировой и Гражданской войны). Общий импульс в практике писателей-классиков – очевидный интерес к психологии героев, когда персонаж поставлен в жизненные обстоятельства вынужденного выбора, поиска своего места в жизни, что характерно для эпического героя.

Шолохов и Распутин затрагивают похожие проблемы, но раскрывают их по-разному, каждый в своей художественной системе. Шолохов – в духе патриархальных казачьих традиций. Удодов называет понятия «служба» и «вольность» базовыми для «национальной идентичности». Шолохов использует свою систему народных символов и фольклорных мотивов (больше прибегает к календарному казачьему фольклору), чтобы отразить подлинность национального характера. Распутин избирает другой путь – показать нравственный крах героя, моральную и нравственную его гибель, подчеркивая, что цельное и общее в русском человеке может быть разрушено, если подчинится законам психологии частной.

В романе Шолохова и повести Распутина очевидно условное разделение героев на способных изначально двигаться к своим целям и следовать избранному пути и неспособных к ситуации выбора в силу особенностей характера и психики. Проблема жизненного пути – это философская проблема взаимоотношения личности и народа, места человека в мире. Осмысление судьбы героя у Шолохова и Распутина всегда конкретно-личностно.

Главное, что притягивает читателя к созданным ими образам-типам, – родственное отношение к большому миру, людям, которые населяли родную землю в прошлом и обитают на ней в наше время.

Список источников

Большакова А. Ю. Поэтика прозы В. Распутина: художественная семантика времени // Творчество В. Г. Распутина в социокультурном и эстетическом контексте эпохи. М.: МПГУ, 2012. С. 12–47.

Васильева Ю. О. Мотив саморазрушения человека в рассказах В. Распутина 1990–2000-х годов // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 81–86. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-1-81-86>

Виноградова Л. Н. Река // Славянские древности: этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 416–419.

Галимова Е. Ш. Архетипический образ реки в прозе Валентина Распутина // Дискуссия. 2012. № 5. С. 156–161.

Гришенкова Т. Ф. Опыт русской литературной классики в осмыслении национального характера в творчестве В. Г. Распутина // Вестн. Сургутского гос. пед. ун-та. 2012. № 5 (20). С. 192–197.

Дырдин А. А. Художественная аксиология В. Распутина в повести-трагедии «Живи и помни» // Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия / отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. С. 190–205.

Иванова В. Я. Поэтика прозы Валентина Распутина. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2021. 361 с.

Каминский П. П. «Время и бремя тревог». Публицистика Валентина Распутина. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 240 с.

Ковтун Н. В. «Демонологический» сюжет в повести В. Распутина «Живи и помни» // Сиб. филол. журн. 2015. № 2. С. 232–241.

Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. СПб.: Росток, 2018. 272 с.

Костин Е. А. Шолохов forever. М.; Вильнюс: Вага, 2013. 256 с.

Лишаев С. А. Эстетика пространства. СПб.: Алетейя, 2015. 380 с.

Мартазанов А. М. Идеология и художественный мир «деревенской прозы» (В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаяев) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006. 192 с.

Новикова Н. Л. Война и крестьянский мир в русском фольклоре и повести В. Г. Распутина «Живи и помни» // Вестн. БГУ. 2009. № 10. С. 208–215.

Осипова Т. О. Михаил Шолохов в творческом сознании современных российских писателей // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2020. № 1. С. 21–26. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2020-1-21-26>

Плеханова И. И. Творчество Валентина Распутина и философия традиционализма // Время и творчество Валентина Распутина: история, контекст, перспективы. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2012. С. 60–90.

Распутин В. Г. Повести и рассказы. М.: Современник, 1985. 736 с.

Семенова С. Г. Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 352 с.

Удодов А. Б. Проблемы национальной идентичности в дискурсивном поле «русской смуты» (по роману М. А. Шолохова «Тихий Дон») // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия : Филология. Журналистика. 2021. № 1. С. 69–72.

Шолохов М. А. Тихий Дон : в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 1. 816 с.; Т. 2. 864 с.

References

Bolshakova, A. Yu. (2012). The poetics of V. Rasputin's prose: the artistic semantics of time. *The work of V. G. Rasputin in the socio-cultural and aesthetic context of the epoch*. Moscow, MCU, pp. 12-47. (In Russian).

Dyrdin, A. A. (2016). Artistic axiology of V. Rasputin in the tragedy story “Live and Remember”. *Russian traditionalism: history, ideology, poetics, literary reflection*. N. V. Kovtun (ed.). Moscow, FLINTA, Science, pp. 190-205. (In Russian).

Galimova, E. Sh. (2012). The archetypal image of the river in the prose of Valentin Rasputin. *Discussion*, no. 5, pp. 156-161. (In Russian).

Grishenkova, T.F. (2012). The experience of Russian literary classics in understanding the national character in the works of V. G. Rasputin. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, no. 5, pp. 192-197. (In Russian).

Ivanova, V. Ya. (2021). *The poetics of Valentin Rasputin's prose*. Irkutsk, Irkutsk State University, 361 p. (In Russian).

Kaminsky, P. P. (2013). “Time and the burden of anxiety.” *Journalism of Valentin Rasputin*. Moscow, FLINTA, Science, 240 p. (In Russian).

Korolkov, A. A. (2018). *The moral philosophy of Valentin Rasputin. Essays. Letters. Diaries*. St Petersburg, Sprout, 272 p. (In Russian).

Kostin, E. A. (2013). *Sholokhov forever*. Moscow. Vilnius, Vaga, 256 p. (In Russian).

Kovtun, N. V. (2018). The “demonological” plot in the story of V. Rasputin's “Live and Remember”. *Siberian Journal of Philology*, no. 2, pp. 232-241. (In Russian).

Lishaev, S. A. (2015). *Aesthetics of space*. St. Petersburg, Aleteya, 380 p. (In Russian).

Martazanov, A. M. (2006). *Ideology and the artistic world of "village prose" (V. Rasputin, V. Belov, V. Astafyev, B. Mozhaev)*. PhD thesis. St. Petersburg, 192 p. (In Russian).

Novikova, N. L. (2009). War and peasant peace in Russian folklore and the story of V. G. Rasputin "Live and Remember". *The BSU Bulletin*, no. 10, pp. 208-215. (In Russian).

Osipova, T. O. (2020). Mikhail Sholokhov in the creative consciousness of modern Russian writers. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, no. 1, pp. 21-26. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2020-1-21-26>

Plekhanova, I. I. (2012). The work of Valentin Rasputin and the philosophy of traditionalism. *Time and work of Valentin Rasputin: history, context, prospects*. Irkutsk, Irkutsk State University, pp. 60-90. (In Russian).

Rasputin, V. G. (1985). *Novellas and short stories*. Moscow, Contemporary, 736 p. (In Russian).

Semenova, S. G. (2005). *The world of prose by Mikhail Sholokhov. From poetics to world understanding*. Moscow, IWL RAS, 352 p. (In Russian).

Sholokhov, M. A. (2018). *The Quiet Flows the Don*. in 2 vols. Moscow, IWL RAS, vol. 1, 816 p.; vol. 2, 864 p. (In Russian).

Udodov, A. B. (2021). Problems of national identity in the discursive field of the "Russian Troubles" (based on the novel by M. A. Sholokhov "The Quiet Flows the Don"). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, no. 1, pp. 69-72. (In Russian).

Vasilyeva, Yu. O. (2018). The motive of human self-destruction in the stories of V. Rasputin in the 1990s and 2000s. *Proceedings of Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism*, vol. 18, iss. 1, pp. 81-86. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-1-81-86>

Vinogradova, L. N. (2009). River. *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: in 5 vols*. N. I. Tolstoy (ed.). Moscow, International Relations, vol. 4, pp. 416-419. (In Russian).

Сведения об авторе

Тибушкина Наталья Валентиновна – аспирант, ассистент кафедры филологии, медиатехнологии и графического дизайна, <https://orcid.org/0000-0003-0825-8797>, tusyat90@mail.ru

Information about the Author

Natalia V. Tibushkina – postgraduate student, assistant, Department of Philology, Media Technology and Graphic Design, <https://orcid.org/0000-0003-0825-8797>, tusyat90@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.01.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 25.01.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 20.06.2025.